

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.1, 343.2

Правовая природа заглаживания и компенсации причиненного преступлением вреда по российскому и германскому праву

Я. М. Плошкина

Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, 660075, Красноярск, ул. Маерчака, 6

Для цитирования: Плошкина, Яна М. 2022. «Правовая природа заглаживания и компенсации причиненного преступлением вреда по российскому и германскому праву». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 486–505. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.212>

В статье исследуется правовая природа комплексных межотраслевых правовых институтов заглаживания и компенсации причиненного преступлением вреда по российскому и германскому праву, раскрывается их содержание, дается авторское определение комплексного межотраслевого института, а также предлагается алгоритм решения при коллизии правовых норм различных отраслей права. Заглаживание вреда, будучи самой широкой по объему формой добровольного возмещения вреда в российском праве, рассматривается в сравнении со схожим германским правовым институтом — компенсации причиненного потерпевшему вреда лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние. Оба института способствуют добровольному разрешению уголовно-правового конфликта, возникшего в результате совершения уголовно наказуемого деяния, и позволяют учитывать реальные потребности потерпевшего. Несмотря на наличие общих начал в российском и германском уголовных процессах — оба относятся к романо-германской (континентальной) правовой семье, основываются на принципе законности, или легальности, — функционирование институтов заглаживания и компенсации причиненного преступлением вреда свидетельствует о разных моделях правосудия. Правовая регламентация и конструкция заглаживания причиненного преступлением вреда отражают общую карательную направленность российского уголовного судопроизводства. В то же время правовая регламентация и сложившаяся практика применения компенсации причиненного потерпевшему вреда означают внедрение в германский уголовный процесс принципа целесообразности и элемента восстановительного правосудия. С учетом германского опыта компенсации вреда высказаны предложения по совершенствованию российского института заглаживания причиненного преступлением вреда.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Ключевые слова: заглаживание вреда, компенсация вреда, потерпевший, межотраслевой правовой институт, сравнительно-правовое исследование, добровольность возмещения вреда, восстановительная модель уголовного правосудия.

1. Введение

В результате совершения преступления причиняется вред не только обществу, государству, но и конкретному лицу, которое в уголовном процессе может приобрести процессуальный статус потерпевшего. Как следует из буквального толкования Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ¹ (УК РФ) (п. «к» ч. 1 ст. 61, ст. 75, 76.2, ч. 4.1 ст. 79 и ч. 4 ст. 80 УК РФ), заглаживание причиненного преступлением вреда — самое объемное понятие, состоящее из возмещения ущерба, возмещения морального вреда и иных действий, направленных на заглаживание вреда. Заглаживание вреда способствует добровольному разрешению уголовно-правового конфликта, возникшего в результате совершения преступления, позволяет учитывать реальные нужды и потребности потерпевшего, в том числе в части возмещения вреда, и тем самым достичь одну из целей уголовного процесса — защитить права и законные интересы потерпевших от преступлений. Добровольное заглаживание вреда может улучшить положение лица, совершившего преступление, так как оно рассматривается или как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), или как условие прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (УПК РФ)), деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), в том числе в досудебной стадии, создавая возможности для процессуальной экономии.

Определение правовой природы заглаживания причиненного преступлением вреда важно, поскольку в случае коллизии правовых норм различных отраслей права возникает необходимость установить, нормы какой отрасли права имеют приоритетное значение.

Предлагаем рассмотреть правовую природу заглаживания причиненного преступлением вреда со схожим институтом в германском праве — компенсацией причиненного потерпевшему вреда, которая является обстоятельством, смягчающим наказание (абз. 7 ч. 2 § 46 Уголовного кодекса ФРГ² (УК ФРГ)), или, в отличие от российского уголовного процесса, самостоятельным основанием прекращения уголовного преследования по мотивам целесообразности (№ 1 и 5 ч. 1 § 153a Уголовно-процессуального кодекса ФРГ (УПК ФРГ))³. Германский процесс имеет много общего с российским: оба относятся к романо-германской (континентальной) правовой семье, построены в целом на сходных началах, например на принципе

¹ Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 7 марта, 2022. <http://www.consultant.ru>.

² Strafgesetzbuch Deutschland 15.05.1871 (в ред. от 13.11.1998 с последними изменениями от 22.11.2021). Дата обращения 7 марта, 2022. <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html>.

³ Strafprozeßordnung Deutschland 12.09.1950 (в ред. от 07.04.1987 с последними изменениями от 21.12.2021). Дата обращения 7 марта, 2022. <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/BJNR006290950.html>.

законности, или легальности⁴. В российском уголовном процессе в ст. 21 УПК РФ установлена обязанность осуществления уголовного преследования от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения.

Схожее начало предусмотрено и в германском процессе, который изначально олицетворял собой принцип законности, или легальности (Beulke 2018, 19–20), т. е. обязанность прокуратуры начать уголовное преследование (ч. 2 § 152 УПК ФРГ) и предъявить обвинение при наличии соответствующего подозрения в совершении преступления (ч. 1 § 170 УПК ФРГ). В противном случае уголовный процесс должен быть прекращен в соответствии с ч. 2 § 170 УПК ФРГ (когда расследование не располагает достаточными основаниями для предъявления обвинения, т. е. отсутствует необходимое подозрение в отношении конкретного лица). Поэтому представляется интересным опыт Германии в части корректного и постепенного внедрения в германский процесс принципа целесообразности и элемента восстановительного правосудия, которые воплощены в том числе в компенсации причиненного потерпевшему вреда, неотъемлемым компонентом которой выступает добровольное возмещение вреда.

Определимся с терминологией. В русскоязычной литературе существуют различные варианты переводов Täter-Opfer-Ausgleich (ТОА): «компенсация “преступник — потерпевший”» (Серебренникова 1996, 23), «соглашение лица, совершившего деяние, и потерпевшего» (Рачкова 2003, 35), «примирение с потерпевшим» (Бойльке, Юрков 2009, 123), «компенсация “исполнитель — потерпевший”» (Головненков 2015, 40); дословный перевод — «преступник — жертва (пострадавший) — компенсация». Исходя из содержания норм, предусматривающих регулирование Täter-Opfer-Ausgleich (например, § 46a УК ФРГ, № 1 и 5 ч. 1 § 153a), § 155a и 155b УПК ФРГ), предлагается авторский перевод — «компенсация потерпевшему лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние», поскольку германский законодатель в указанных нормах регулирует отношения между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, и потерпевшим (Verletzter), а Täter-Opfer-Ausgleich использует как устоявшееся выражение. Иногда в немецкой литературе этот термин подвергается критике, поскольку использование понятия Täter (преступник) вплоть до вступления приговора суда в законную силу в соответствии с презумпцией невиновности некорректно, а термин Opfer (жертва, пострадавший) заимствован из криминологии. Но согласно господствующей позиции речь идет лишь о терминологической конкуренции уже устоявшихся в юриспруденции (как на законодательном уровне, так и среди правоприменителей) выражений (Kaspar, Weiler, Schlickum 2014, 10).

В немецкой литературе понятие «компенсация потерпевшему вреда, причиненного лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние» может использоваться как в узком (№ 1 § 46a УК ФРГ), так и в широком значениях (две возможности, закрепленные в § 46a УК ФРГ: № 1 § 46a — компенсация причиненного потерпевшему вреда; № 2 § 46a — возмещение вреда). На практике и в германской науке часто компенсация вреда понимается в широком смысле, так как компенсация и возмещение вреда — это варианты реагирования на совершенное преступное деяние, способ-

---

⁴ В русскоязычной литературе данный принцип (или начало) переводится как принцип законности, или легальности, суть которого заключается в том, что компетентное должностное лицо обязано возбуждать уголовное преследование в каждом случае совершения преступления вне зависимости от каких бы то ни было иных соображений. См., напр.: (Головко 2017).

ствующие добровольному урегулированию возникшего уголовно-правового конфликта посредством усилий лица, его совершившего, направленных на устранение последствий уголовно наказуемого деяния (Kaspar, Weiler, Schlickum 2014, 7). В настоящей статье понятие компенсации причиненного потерпевшему вреда используется в широком смысле.

Преимущество данного механизма заключается в невмешательстве государства «сверху» в урегулирование сторонами возникшего уголовно-правового конфликта, в то время как его участники пытаются найти собственный способ его разрешения, исходя прежде всего из интересов потерпевшего. В отличие от прокуратуры, потерпевшего, как правило, не интересует квалификация совершенного лицом деяния. Для него более значимы собственные потребности, опасность или страх вновь стать потерпевшим в случае повторного уголовно наказуемого деяния, а также боязнь мести со стороны лица, совершившего уголовно наказуемое деяние и осужденного за него. Потерпевший нацелен в первую очередь на компенсацию причиненного деянием материального и морального вреда, а также на отсутствие страха снова встретиться на улице с лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние. Для достижения данных целей необходимо активное вовлечение потерпевшего в процесс компенсации причиненного ему вреда, где его интересы значительно лучше могут быть представлены и защищены, нежели когда он занимает пассивную роль и выступает в качестве свидетеля (Buhlmann 2004, 4–5).

2. Основное исследование

2.1. О понятии комплексного межотраслевого правового института

В науке уголовного и уголовно-процессуального права отсутствуют фундаментальные работы, посвященные комплексным межотраслевым правовым институтам, которые в основном являются предметом исследования в теории права.

Изучая в теории права природу комплексных образований в структуре права, В. М. Сырых приходит к выводу, что для комплексных институтов, в отличие от институтов унитарных, характерны следующие признаки: нормы одной отрасли права применяются в другой отрасли; как правило, они закрепляются в источниках отрасли, которая их заимствует; проходят существенную переработку, модификацию применительно к специфике предмета и/или метода заимствующей их отрасли; применяются только в пределах одной, заимствующей их отрасли права (Сырых 2002).

Однако в настоящее время нет однозначного мнения относительно места комплексных межотраслевых институтов в системе права.

Согласно одной позиции, «приобретая межотраслевой характер, правовой институт тем самым теряет свою собственную специфику правового регулирования, которая первоначально определялась его отраслевой принадлежностью, а теперь состоит из неорганичных “кусочков” методов правового регулирования разных отраслей. Поэтому признание подобных комплексных межотраслевых образований в качестве правовых институтов возможно лишь в той степени, в которой допустимо признание правовых институтов в качестве самостоятельных компонентов системы права без включения в состав какой-либо отрасли» (Потапенко 2013, 359).

Не можем согласиться с данной точкой зрения в полной мере. Во-первых, представленная позиция не совсем соответствует системному подходу. Система права имеет свою четкую структуру, представляющую деление на отрасли, институты и нормы права. Следовательно, любые правовые институты, в том числе комплексные, должны быть структурными элементами права, занимающими промежуточное место между нормой и отраслью права, а не находиться в «безвоздушном пространстве» в системе права без включения в состав какой-либо отрасли. Во-вторых, неясно, какими правилами следует руководствоваться в случае коллизии норм из различных отраслей права, образующих комплексный институт, если данный институт не включен в систему какой-либо отрасли права.

С учетом этого предлагаем собственное определение *комплексного межотраслевого правового института* как совокупности норм различных отраслей права, в которой имеются нормы, образующие ядро данного института, относящиеся к так называемой материнской отрасли права и модифицированные применительно к специфике комплексного института нормы из иной отрасли права. Поэтому принадлежность комплексного межотраслевого института определяется правовой принадлежностью норм, образующих ядро комплексного института. При коллизии норм приоритетом обладают нормы, относящиеся к материнской отрасли права.

В связи с этим интересны соображения С. В. Полениной о развитии межотраслевых «пограничных» институтов и появлении новой отрасли права. Одним из вариантов возникновения новой отрасли права выступает трансформация межотраслевого комплексного «пограничного» института, когда его материнские и «заимствованные» черты уравниваются и приобретают определенную критическую массу, по достижении которой количество переходит в качество, происходит скачок и в результате появляются новые свойства, касающиеся предмета, метода, принципов и механизма правового регулирования определенной области общественных отношений. Совокупность «пограничных» межотраслевых комплексных институтов только тогда может квалифицироваться как новая отрасль права, когда и поскольку она приобретает качественно новые свойства и, следовательно, утрачивает признак комплексности (Поленина 1975).

Таким образом, комплексный, в частности межотраслевой, институт может быть уголовно-процессуальным либо гражданско-правовым или иным, если ядро данного института составляет совокупность норм соответствующей отрасли права, образующих собственный предмет правового регулирования в рамках данной отрасли права, который регулируется с помощью специфических приемов и способов.

2.2. Заглаживание и компенсация причиненного преступлением вреда — комплексные межотраслевые институты

Заглаживание и компенсация вреда, причиненного преступлением, являются комплексными межотраслевыми институтами. В связи с этим следует выяснить, правовые нормы какой отрасли права образуют ядро данных институтов, какая отрасль права является материнской, следовательно, нормы какой отрасли права имеют приоритетное значение при коллизии норм или недостаточном правовом регулировании: нормы гражданского или уголовно-процессуального, уголовного права.

В германской доктрине и практике существует дискуссия относительно правовой природы возмещения причиненного преступлением вреда (возмещения последствий совершенного деяния) как неотъемлемой составляющей компенсации причиненного уголовно наказуемым деянием потерпевшему вреда, а также по поводу того, как возмещение соотносится с гражданско-правовым возмещением вреда. В связи с этим предлагаем рассмотреть данный вопрос в сравнении с российским институтом заглаживания причиненного преступлением вреда.

Согласно одной позиции, заглаживание и возмещение причиненного уголовно наказуемым деянием вреда при его компенсации имеют цивилистическую природу. В 1990-е годы в Германии был распространен подход, в соответствии с которым возмещение вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием, имеет гражданско-правовую природу, и содержание возмещения вреда в уголовном и уголовно-процессуальном праве фактически идентично гражданско-правовому институту возмещения вреда, поскольку лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, исполняет только такие обязательства по возмещению вреда, какие оно обязано было бы исполнить в соответствии с гражданским правом. Долгое время германские суды допускали исполнение обязательств по возмещению причиненного в результате совершения уголовно наказуемого деяния вреда, только если лицо, его совершившее, подлежало гражданско-правовой ответственности, и в таком же объеме⁵. Все это было следствием исторического развития, когда нарушения прав конкретного потерпевшего и сама его фигура постепенно отходили на второй план и растворялись в нарушениях общих правовых благ, связанных с обеспечением правопорядка (Buhlmann 2004, 10).

В силу данной точки зрения заглаживание причиненного преступлением вреда по российскому праву имеет цивилистическую природу института исполнения обязательств вследствие причинения вреда, поскольку различные виды вреда принципиально не влияют на оценку юридической природы действий по его преодолению (возмещению или заглаживанию иным образом). Вид вреда не может служить препятствием для квалификации возникших между потерпевшим и обвиняемым (подозреваемым) правоотношений в качестве отношений обязательственных (гражданско-правовых) (Головкин 2002, 464–465). Поэтому можно соотнести институт заглаживания вреда с институтом возмещения вреда, причиненного преступлением. В литературе долгое время обсуждается вопрос об отраслевой принадлежности института возмещения вреда, причиненного преступлением (Юношев 2014). Полагаем, что данную дискуссию вполне можно распространить и на заглаживание причиненного преступлением вреда, поскольку возмещение вреда является одной из разновидностей его заглаживания.

Наличие норм, заимствованных из гражданского права, в заглаживании вреда, причиненного преступлением, а также влияние гражданского права на заглаживание вреда в уголовном праве признается не только учеными, но и судебной практикой. Например, согласно п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», решая вопрос о размере компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, суду следует исходить из по-

---

⁵ OLG Hamburg MDR 1980. S. 246; OLG Stuttgart NJW 1980. S. 1114.

ложений ст. 151 и п. 2 ст. 1101 Гражданского кодекса РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ГК РФ) и учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, руководствуясь требованиями разумности и справедливости. Вред, причиненный в результате преступных действий, подрывающих деловую репутацию юридического лица, подлежит компенсации по правилам возмещения вреда деловой репутации гражданина (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

Однако данная позиция не учитывает специфику уголовного процесса и права. Германские исследователи акцентируют внимание на том, что, в отличие от гражданского права, где возмещение вреда рассматривается как совокупность правовых норм, регулирующих возмещение ущерба, убытков, причиненных конкретному лицу, в результате совершения уголовно наказуемого деяния нарушаются не только законные права и интересы конкретного лица, но и публичный интерес по сохранению и обеспечению правопорядка, что отражается в уголовно-правовом конфликте между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, и общественностью. Ведь одной из целей уголовного наказания является общая превенция — предупреждение совершения новых преступлений (Buhlmann 2004, 11).

В отличие от гражданского, уголовное право охраняет правопорядок, совместную жизнь людей в обществе. Охранительная функция уголовного права ставит перед данной областью права соответствующие задачи: охранять основные ценности общественной жизни, гарантировать соблюдение общественного порядка и в случаях нарушения права добиваться разрешения конфликта правовым путем в соответствии с нормами права (Wessels, Beulke, Satzger 2019, Rn 6–7; Вессельс, Бойльке 2006, 19). Поэтому одна из задач уголовного права — охрана правовых благ, которые вследствие их особого значения для социума находятся под правовой защитой (Wessels, Beulke, Satzger 2019, Rn 6–7; Вессельс, Бойльке 2006, 19). Охраняемые уголовным законом правовые блага не всегда подпадают под защиту гражданского права (Buhlmann 2004, 11).

Совершение уголовно наказуемого деяния порождает уголовно-правовой конфликт, который с позиции уголовного права рассматривается как столкновение преступных интересов и интересов общества, поскольку признание уголовным законом деяния уголовно наказуемым означает фиксацию существования таких интересов, ценностей и норм опасными для общества в целом, т.е. преступными. В результате совершения уголовно наказуемого деяния нарушаются законные интересы не только конкретного лица (хотя иногда его даже может и не быть), но и общества в целом, а также государства как институциональной организации. Поэтому в конфликте наряду с лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, и пострадавшим принимают участие общество и государство, обладающее инструментами по урегулированию криминального конфликта (например, определенные государственные институты, предметная деятельность которых направлена на разрешение конфликта). Целью разрешения уголовно-правового конфликта является нейтрализация негативных последствий преступления (Попаденко 2006, 119), которая осуществляется в рамках уголовного процесса (например, посредством привлечения виновного лица к уголовной ответственности, прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием, судебным штрафом, применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершенно-

летним). Следовательно, уголовный процесс должен представлять собой механизм (средство) разрешения уголовно-правового конфликта, в том числе позитивного (Танцеров, Стойко 2003, 87).

В связи с этим не случайно использование в уголовной и уголовно-процессуальных областях терминов «восстановление социальной справедливости» и «защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений». Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) достигается в том числе посредством восстановления нарушенных прав потерпевшего. Поэтому в заглаживании вреда, причиненного преступлением, лицом, его совершившим, находит свое отражение такая цель, как восстановление социальной справедливости, на что неоднократно обращали внимание исследователи (Карабанова, Цепелев 2016; Мамичева 2001).

В германском обществе по сравнению с российским значительно раньше возникла потребность по-новому осмыслить роль потерпевшего в уголовном праве и процессе: сместить акцент на учет его реальных нужд и защиту его прав, чтобы интересы потерпевшего не оказались на периферии внимания органов уголовного преследования и суда. Один из лучших способов добиться этого — интеграция возмещения вреда в уголовное право и процесс, когда разрешение уголовно-правового и социального конфликта, вызванного уголовно наказуемым деянием, начинается с возмещения потерпевшему причиненного вреда в различных формах. Наказание лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, по мнению германских ученых, затрудняет учет интересов потерпевшего, нацеленный на возмещение вреда, поскольку часто в процессе исполнения назначенного наказания в виде штрафа или лишения свободы исчезает готовность лица, совершившего деяние, к возмещению вреда (Roxin 1987, 42).

Законодательному регулированию компенсации причиненного потерпевшему вреда в германском уголовном и уголовно-процессуальном праве предшествовало активное обсуждение в германском обществе в 1980–1990-е годы вопросов укрепления позиции потерпевшего в уголовном и уголовно-процессуальном праве, в том числе при разрешении уголовно-правового конфликта, а также добровольного возмещения вреда. Предлагалось включить возмещение вреда в систему уголовно-правовых санкций либо рассматривать компенсацию вреда как «третью колею в уголовном праве», т.е. иные варианты правовых последствий уголовно наказуемого деяния, помимо уголовного наказания и мер исправления и безопасности. Первыми результатами дискуссии стали принятый первый в истории ФРГ Федеральный закон о защите потерпевших от 18.12.1986, который внес существенные изменения в германский уголовный процесс в части улучшения положения потерпевшего, особенно применительно к жертвам сексуальных преступлений, а также опыт первых модельных проектов компенсации причиненного потерпевшему вреда в сфере уголовной ювенальной юстиции, которые начали разрабатываться с 1994 г. Германская общественность позитивно отнеслась к такому опыту, и предлагалось рассматривать компенсацию причиненного потерпевшему вреда как новую перспективу в рассмотрении уголовных деяний, заслуживающую более пристального внимания при отправлении уголовного правосудия⁶. В конце XX в.

⁶ Geschichte des TOA-Servicebüros. Дата обращения 7 марта, 2022. <https://www.toa-servicebuero.de/ueber-uns/geschichte-des-toa-servicebueros>.

в качестве альтернативы правовых последствий противоправного, уголовно наказуемого деяния, или «третьей колеи в уголовного праве», обозначалось возмещение вреда, причиненного деянием (Kindhäuser, Neumann, Paeffgen 2017, 1184; Laufhütte, Saan, Tiedemann 2019, 1180). В немецкой научной литературе компенсация вреда предполагалась как новое уголовно-политическое «чудо-оружие» и многообещающая альтернатива наказанию (Бойльке, Юрков 2009, 123).

Согласно официальному сайту Бюро по компенсации причиненного потерпевшему вреда и разрешению конфликтов (далее — Бюро), опыт реализации компенсационных проектов в Германии показал позитивное развитие практики добровольного разрешения уголовно-правового конфликта сторонами внесудебным путем, его возрастающую социальную значимость, положительное отношение германского общества к возможности заключения соглашения о компенсации причиненного вреда между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, и потерпевшим, а также необходимость обеспечения качества при практической реализации добровольного урегулирования конфликта посредством соглашения о компенсации вреда в каждой федеральной земле с учетом их особенностей и возможностей. Поэтому на федеральном уровне было принято решение начать целенаправленную разработку создания подходящих рамочных условий посредством предоставления необходимой информации и квалификации лицам, участвующим в практическом разрешении уголовно-правовых конфликтов на местах⁷. В связи с этим по решению бундестага и федерального правительства в 1992 г. было создано указанное Бюро — межрегиональный центральный орган для содействия компенсации потерпевшему лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, финансируемый из средств федерального Министерства юстиции и защиты прав потребителей. В настоящее время Бюро координирует деятельность ассоциаций и объединений более 10 тыс. специалистов из сферы социальной работы, уголовного права и уголовной политики в целом по стране, оказывающих помощь лицам, имеющим судимость, условно осужденным и пострадавшим по всей стране на региональном и местном уровнях⁸.

Вместе с тем, как следует из информации на официальном сайте Бюро, опыт реализации первых компенсационных проектов в Германии показал, что компенсация причиненного потерпевшему вреда не сможет стать альтернативой уголовному наказанию и кардинальным образом изменить уголовно-правовую практику.

С учетом опыта компенсационных проектов компенсация причиненного потерпевшему вреда была законодательно закреплена в 1990 г. в Федеральном законе об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних, а спустя четыре года в результате принятия Федерального закона от 28.10.1994 «О борьбе с преступностью» урегулирована в УК ФРГ и УПК ФРГ. Так появился § 46а УК ФРГ, устанавливающий компенсацию причиненного потерпевшему вреда.

Таким образом, сначала в Германии, а затем и в России возникает точка зрения, согласно которой заглаживание и возмещение вреда как неотъемлемый компонент компенсации имеют собственное наполнение, отличное от гражданско-правового института возмещения вреда и более широкое по своему содержанию.

⁷ Geschichte des TOA-Serviceburos.

⁸ DBH-Fachverband. Дата обращения 7 марта, 2022. <https://www.toa-servicebuero.de/ueber-uns/dbh-fachverband>.

В современном мире наблюдается тенденция интеграции различных отраслей права, в частности уголовного и гражданского права (Roxin 1987, 41), что характерно и для Германии, и для России. На уголовное, уголовно-процессуальное право, как и на право в целом, оказывают влияние глобализация, интеграция и унификация, одним из следствий которых является все большее проникновение норм одной отрасли права в другую, их модификация и, в итоге, появление комплексных институтов (Сырых 2002).

Признавая влияние гражданского права, в частности института исполнения обязательств вследствие причинения вреда, полагаем, что заимствованные нормы из гражданского права подверглись существенной переработке и модификации применительно к рассматриваемым институтам как в РФ, так и в ФРГ. В отличие от других отраслей права (гражданское, трудовое, административное и пр.), где также имеются схожие институты (возмещение вреда, ущерб), в уголовном и уголовно-процессуальном праве заглаживание и компенсация вреда обладают спецификой.

Во-первых, основанием заглаживания и компенсации вреда выступает факт совершения лицом уголовно наказуемого деяния.

Во-вторых, как упоминалось выше, в отличие от гражданско-правовых отношений, связанных с возмещением вреда, где речь идет о двух равноправных сторонах, принимающих решение о факте и объеме возмещения вреда, в уголовном и уголовно-процессуальном праве в заглаживании и компенсации вреда принимают участие не только лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, и потерпевший, но и государство в лице своих органов, принимающих окончательное решение о юридически значимых последствиях заглаживания и компенсации вреда, например при решении вопроса о прекращении уголовного дела.

Несмотря на дискуссию в российской науке о заглаживании причиненного преступлением вреда в отсутствие потерпевшего либо при его несогласии в отдельных случаях (Багаутдинов 2019; Вдовин 2018; Фильченко 2019), судебная практика признает возможность заглаживания вреда в отсутствие потерпевшего или при его несогласии при назначении судебного штрафа (см., напр., п. 2 и 7 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 10.07.2019 (далее — Обзор судебной практики)). Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, согласие (несогласие) потерпевшего на прекращение уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ не имеет определяющего значения. Суд должен выяснить у потерпевшего, а также установить другими возможными способами, приняты ли обвиняемым меры к возмещению ущерба или заглаживанию причиненного преступлением вреда иным образом. В случае возражения со стороны потерпевшего против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа судья выясняет причины такой позиции потерпевшего, а также оценивает достаточность принятых обвиняемым мер по возмещению ущерба или заглаживанию вреда. Например, было прекращено уголовное дело в отношении подозреваемого в совершении преступления (ч. 1 ст. 167 УК РФ) с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 10 тыс. руб. Несмотря на несогласие потерпевшего с прекращением уголовного дела в судебном заседании и на его отказ получать предлагаемые ему подозреваемым денежные средства в возмещение ущерба, поскольку потерпевший считал, что сумма ущерба, причиненного престу-

плением, занижена экспертом, а действительный ущерб составляет более значительную сумму, суд данные доводы потерпевшего признал несостоятельными, так как сумма ущерба определена на основании заключения эксперта, потерпевший был ознакомлен с заключением эксперта, замечаний и заявлений при ознакомлении не высказывал, о проведении дополнительных и повторных экспертиз не ходатайствовал (п. 7 Обзора судебной практики).

Таким образом, решение о юридически значимых последствиях заглаживания вреда, а в отдельных установленных в УК РФ случаях окончательное решение о факте заглаживания причиненного преступлением вреда принимает не потерпевший, а государство, поскольку освобождение от уголовной ответственности является правом, а не обязанностью суда (ст. 75, 76 и 76.2 УК РФ) (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 19)).

В России для прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям недостаточно только заглаживания причиненного потерпевшему вреда. Например, для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон требуется также примирение с потерпевшим (ст. 25 УПК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) — возмещение ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного преступлением, а также явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления; с назначением судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) необходимо не только возместить причиненный ущерб или иным образом загладить причиненный преступлением вред, но и уплатить судебный штраф, размер которого не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 104⁵ УК РФ).

Как следует из буквального толкования УК РФ и УПК РФ, причиненный преступлением вред необходимо загладить до принятия должностным лицом (судом, следователем или дознавателем с согласия руководителя следственного органа или прокурора) решения о прекращении уголовного дела или преследования по соответствующим нереабилитирующим основаниям.

Полагаем, что существующая регламентация заглаживания вреда говорит о карательной направленности уголовного процесса в РФ, так как для прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности считается недостаточным только заглаживание вреда даже в полном объеме ко времени принятия должностным лицом решения о прекращении уголовного дела или преследования по нереабилитирующим основаниям. Данная конструкция не содействует развитию заинтересованности лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, к самостоятельному урегулированию конфликта путем добровольного заглаживания вреда и не учитывает в полной мере реальные нужды потерпевших, в том числе в части возмещения им вреда, причиненного преступлением. Так, Н. Г. Стойко при изучении потерпевшего в уголовном процессе отмечает, что возмещение причиненного преступлением ущерба рассматривается органами уголовной юстиции только в плане карательного воздействия на обвиняемого, оставляя без внимания намерения потерпевших на компенсацию и примирение (Танцеров, Стойко 2003, 5–6).

В отличие от российского, в германском уголовном процессе компенсация причиненного потерпевшему вреда обвиняемым при совершении уголовно на-

казуемых проступков выступает самостоятельным основанием для прекращения уголовного преследования по мотивам целесообразности, исходя из § 153а УПК ФРГ. В Германии отказ от уголовного преследования по мотивам целесообразности осуществляется в два этапа. Сначала прокурор решает вопрос о временном отказе от предъявления обвинения (т. е. фактически речь идет о приостановлении уголовного преследования) с согласия обвиняемого и суда, компетентного решить вопрос о предании обвиняемого суду, с одновременным возложением на обвиняемого обязанности приложить серьезные усилия для компенсации причиненного потерпевшему вреда и при этом возместить последствия совершенного деяния полностью или их большую часть либо серьезно стремиться к их возмещению (№ 5 ч. 1 § 153а УПК ФРГ) или обязанности выполнить определенную работу с целью возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием (№ 1 ч. 1 § 153а УПК ФРГ), если они позволяют устранить публичный интерес в осуществлении уголовного преследования и не противоречат тяжести его вины.

В ч. 1 § 153а УПК ФРГ предусмотрено установление срока обвиняемому для выполнения возложенных на него обязанностей, не превышающего шести месяцев. Прокуратура может постфактум отменить выполнение обязанностей и один раз продлить их на срок три месяца. С согласия обвиняемого прокуратура вправе постфактум возложить на него данные обязанности и их изменить.

Если обвиняемый выполняет в установленный срок возложенные на него обязанности, то прокуратура в соответствии с ч. 1 § 153а УПК ФРГ прекращает уголовное преследование в отношении него. В случае неисполнения обвиняемым возложенных на него обязанностей уголовное преследование осуществляется на общих основаниях. При предъявлении прокуратурой государственного обвинения в судебной стадии суд может с согласия прокуратуры и обвиняемого временно прекратить процесс (т. е. приостановить уголовное преследование) с одновременным возложением на обвиняемого соответствующих обязанностей. При этом только в отношении уголовных проступков предусмотрена возможность прекращения уголовного преследования с возложением на обвиняемого обязанности компенсировать или возместить причиненный уголовно наказуемым деянием вред потерпевшему. При совершении преступлений — противоправных деяний, за совершение которых минимальное наказание установлено в виде лишения свободы на срок от одного года и более (§ 12 УК ФРГ), компенсация и возмещение вреда выступают основаниями для смягчения уголовного наказания (§ 46а, 49 УК ФРГ).

Согласно § 155а УПК ФРГ, прокуратура и суд должны на каждой стадии процесса удостовериться в наличии или отсутствии возможности применения компенсации причиненного потерпевшему вреда лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние; § 155b УПК ФРГ содержит положения, регулирующие осуществление компенсации причиненного потерпевшему вреда лицом, совершившим деяние. Кроме того, согласно ч. 1 § 136 УПК ФРГ при проведении первого допроса обвиняемого ему необходимо сообщить о возможности компенсации причиненного потерпевшему вреда. В соответствии с ч. 1 § 406i УПК ФРГ потерпевший сразу же, как только это возможно, письменно на понятном ему языке должен быть проинформирован о своих правах в уголовном процессе, закрепленных в § 406d–406h УПК ФРГ. Согласно № 5 ч. 1 § 406i УПК ФРГ потерпевший должен быть уведомлен

о возможности получить возмещение вреда в рамках предусмотренной в § 155а УПК ФРГ компенсации лицом, совершившим деяние.

Таким образом, компенсация причиненного потерпевшему вреда создает уже на ранней стадии уголовного процесса в ФРГ максимально благоприятные возможности для самостоятельного урегулирования сторонами криминального конфликта несудебным путем. Компенсация вреда в германском уголовном процессе является самостоятельным основанием прекращения уголовного преследования и выступает в качестве альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта внесудебным образом.

Кроме того, в пользу самостоятельного наполнения заглаживания и компенсации вреда, отличного от гражданско-правового возмещения вреда, свидетельствует содержание данных терминов. Понятия заглаживания и компенсации вреда, неотъемлемой составляющей которой является возмещение вреда, неизвестны никаким отраслям права, кроме уголовного и уголовно-процессуального (форме реализации уголовного).

Заглаживание причиненного преступлением вреда — одна из форм добровольного возмещения вреда (Рыжаков 2020), поскольку, исходя из действующего российского законодательства (например, п. «к» ч. 1 ст. 61, ст. 75 УК РФ), уголовно-правовые и уголовно-процессуальные последствия заглаживания вреда (в виде смягчения наказания либо возможности прекращения уголовного дела или преследования и освобождения от уголовной ответственности) возникают только при условии добровольного заглаживания обвиняемым (подсудимым) или по его просьбе третьими лицами причиненного преступлением вреда, т. е. без каких-либо внешних воздействий, принуждений на обвиняемого (подсудимого) со стороны правоохранительных органов.

Используемое в российском уголовном и уголовно-процессуальном праве понятие «заглаживание вреда» — самое широкое по объему, состоящее с учетом буквального толкования УК РФ (например, п. «к» ч. 1 ст. 61, ст. 75, 76.2, ч. 4.1 ст. 79 и ч. 4 ст. 80 УК РФ) и Постановления Пленума ВС РФ № 19, во-первых, из возмещения ущерба (возмещение в натуре или в денежном выражении), имеющего, по нашему мнению, гражданско-правовую природу и связанного с исполнением лицом обязательств вследствие причинения вреда (деликтного обязательства), во-вторых, компенсации морального вреда, имеющей также гражданско-правовую природу, и, в-третьих, иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства, которые не обязательно регулируются гражданским правом.

Полагаем, что иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, необходимо трактовать широко, как совершение любых незапрещенных законом действий, направленных на восстановление (компенсацию) нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, законных интересов человека, общества и государства, которые не обязательно регулируются гражданским правом, однако способы заглаживания вреда должны носить законный характер, не нарушать требования действующего законодательства и не ущемлять прав третьих лиц (Гаврилов, Плошкина 2017). Так, А. П. Рыжаков обращает внимание на то, что

форма заглаживания вреда, причиненного преступлением, не установлена каким-либо нормативным правовым актом. В связи с этим допустима любая из таковых, не нарушающая требования какого-либо закона или иного нормативного правового акта (Рыжаков 2016). На наш взгляд, способы заглаживания вреда не обязательно должны регулироваться законом или правом — главное, чтобы они не были запрещены законом и не ущемляли права третьих лиц.

Таким образом, заглаживание причиненного преступлением вреда — это обобщающая формулировка, которая может охватывать действия самого различного фактического содержания (Есаков 2017) и правового характера. Полагаем, что институт заглаживания причиненного преступлением вреда имеет большой потенциал и может рассматриваться как один из возможных самостоятельных способов урегулирования криминального конфликта.

Схожей позиции придерживается российская судебная практика. Согласно п. 2.1 Постановления Пленума ВС РФ № 19, способы заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. Способы возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда законом не ограничены. Таким образом, российские суды считают возможной любую форму заглаживания причиненного преступлением вреда, которая позволяет компенсировать негативные изменения в охраняемых уголовным законом правовых благах, возникшие вследствие противоправного деяния. Например, уголовное дело по ч. 1 ст. 228 УК РФ было прекращено с назначением судебного штрафа в размере 10 тыс. руб. на основании ст. 25.1 УПК РФ, так как обвиняемая загладила вред от преступления: в добровольном порядке участвовала в общественных работах в Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних и внесла денежные средства в данное учреждение в качестве взноса на благотворительность (п. 2 Обзора судебной практики).

Таким образом, существующий в российском уголовном и уголовно-процессуальном праве термин «заглаживание причиненного преступлением вреда» по своему содержанию шире понятия «возмещение вреда», используемого, например, в гражданском праве, и имеет свое собственное уголовно-правовое содержание.

Германский законодатель не отождествляет уголовно-правовое возмещение вреда с гражданско-правовым. Уголовно-правовое возмещение вреда (последствий совершенного деяния) не требует полного возмещения вреда, как предписано нормами гражданского права. Компенсация вреда в узком смысле в соответствии с № 1 § 46a УК ФРГ возможна при полном, частичном (большой части) возмещении последствий деяния и в исключительном случае даже при наличии серьезных стремлений лица, совершившего деяние, к возмещению причиненных потерпевшему последствий противоправного деяния без фактического их возмещения. Возмещение вреда в смысле № 2 § 46a УК ФРГ предусматривает не только полное, но и частичное возмещение вреда (большой его части). Верховный суд ФРГ в своих решениях неоднократно указывал на недопустимость отождествления гражданско-правового возмещения вреда с уголовно-правовым, предусмотренным в § 46a УК ФРГ, поскольку возмещение вреда в соответствии с § 46a УК ФРГ считается состоявшимся и при удовлетворении требования потерпевшего о возмещении вреда не в полном объеме (Schönke, Schröder 2019, 823)⁹.

⁹ BGH NJW 01, 2558; NStZ 08, 452; NStZ-RR 09, 133.

Кроме того, § 46a УК ФРГ, посвященный компенсации вреда, закрепляет обязательную личностную составляющую и для компенсации вреда в узком смысле (№ 1 § 46a УК ФРГ), и для возмещения вреда (№ 2 § 46a УК ФРГ).

Согласно № 1 § 46a УК ФРГ, обязательным компонентом компенсации вреда являются «усилия, направленные на компенсацию причиненного потерпевшему вреда (компенсация потерпевшему лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние)». Как следует из германской судебной практики и науки, усилия, направленные на компенсацию причиненного потерпевшему вреда, означают ведение переговоров между потерпевшим и лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, целью которых является стремление урегулировать конфликт между данными лицами посредством заключения соглашения о компенсации (Schönke, Schröder 2019, 821)¹⁰. В № 1 § 46a УК ФРГ речь идет о предложении обвиняемому и потерпевшему найти подходящее для разрешения конфликта и согласованное с заинтересованными сторонами решение, в том числе при помощи третьих лиц, в качестве которых могут выступать дознаватель, защитник или иные лица, участвующие в переговорах по обеспечению компенсации потерпевшему, например медиатор. Урегулирование конфликта происходит в ходе переговорного процесса между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, и потерпевшим, где потерпевший озвучивает полученный ущерб, а также личные затраты, которые он понес в результате совершенного деяния, а лицо, его совершившее, озвучивает свою ситуацию, в которой находится, и возможности для возмещения вреда. Целью переговоров является заключение соглашения о компенсации вреда, устраивающего обе стороны, содержащего достигнутые договоренности (принесение извинений потерпевшему, возмещение материального и/или нематериального вреда) и подлежащего исполнению (Schönke, Schröder 2019, 821). Суды и ученые в Германии единодушны, что не всегда требуется личностное общение сторон; в некоторых случаях допустимо обойтись письменным принесением извинений. Диалог с потерпевшим может происходить через защитника (Kindhäuser, Neumann, Paeffgen 2017, 1888–1889)¹¹.

Для возмещения вреда в соответствии с № 2 § 46a УК ФРГ также необходим личностный компонент: возмещение вреда требует от лица, совершившего деяние, значительных личных затрат или отказа от чего-либо. Согласно практике Верховного суда ФРГ, под «значительными личными затратами» понимается продажа недвижимости, чтобы возместить причиненный потерпевшему вред¹², заключение договора об отказе от наследства¹³, личная забота лица, совершившего деяние, о потерпевшем (Schönke, Schröder 2019, 824). В качестве «значительного личного отказа от чего-либо» признается продажа лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, своего личного автомобиля, чтобы возместить причиненный потерпевшему вред. Без личностного компонента уголовно-правовое возмещение вреда в соответствии с № 2 § 46a УК ФРГ недопустимо. Обязательный личностный компонент придает возмещению вреда уголовно-правовой характер, свидетельствующий о добровольном взятии лицом ответственности за содеянное (Schönke, Schröder 2019, 824), когда лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, несет значитель-

¹⁰ BGH 48, 139.

¹¹ BGH StV 2012, 150f; BGH NSTz 2012, 429f.

¹² BGH NJW 01, 2558.

¹³ BGH NSTz 00, 593.

ные личные затраты или вынуждено отказываться от значительного личного имущества, чтобы возместить вред потерпевшему, что отличает уголовно-правовое возмещение вреда от гражданско-правового (Kaspar, Weiler, Schlickum 2014, 34).

Таким образом, в германской современной науке и судебной практике в настоящее время господствует позиция, не отождествляющая уголовно-правовое возмещение вреда с похожим гражданско-правовым институтом, признавая собственное содержание и наполнение уголовно-правового возмещения вреда, а следовательно, и компенсации причиненного потерпевшему вреда.

Изложенные выше особенности компенсации причиненного потерпевшему вреда позволяют говорить о внедрении в германский уголовный процесс восстановительной модели уголовного правосудия (Kaspar, Weiler, Schlickum 2014, 5), где центр тяжести по разрешению уголовно-правового конфликта смещен в уголовный процесс, в котором уяснение ценностей происходит не через наказание (карательное воздействие), а через переговоры, межличностное общение, в том числе при помощи посредников, ведущие к взаимоприемлемым договоренностям, удовлетворяющим обе стороны конфликта, например посредством возмещения лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, причиненного потерпевшему вреда (как материального, так и психологического, полученного потерпевшим) (Танцерева, Стойко 2003, 81–82).

3. Выводы

Полагаем возможным учесть германский опыт последовательной и постепенной имплементации в уголовный процесс принципа целесообразности и элементов восстановительной модели правосудия, которые воплощены в компенсации вреда, при дальнейшем формировании комплексного межотраслевого института заглаживания причиненного преступлением вреда. На наш взгляд, предпочтительнее, чтобы вопрос заглаживания причиненного преступлением вреда решался сторонами уголовно-правового конфликта — потерпевшим и лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, но с соблюдением требований добровольности, взаимности, обязательности, осознанности. Органам юстиции при решении вопроса о прекращении уголовного дела или преследования следует руководствоваться достигнутыми сторонами договоренностями по заглаживанию вреда, в частности относительно его способов и объема. По аналогии с германской компенсацией вреда предлагаем рассматривать заглаживание причиненного преступлением вреда, которое является самой широкой по объему формой добровольного возмещения вреда, в качестве альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта, достаточного для прекращения уголовного дела без выполнения каких-либо дополнительных условий. Данные предложения обусловлены тем, что существующая в российском уголовном процессе правовая регламентация заглаживания вреда не в полной мере способствует заинтересованности лица, совершившего преступление, в добровольном, самостоятельном разрешении уголовно-правового конфликта, а также не позволяет в полной мере учитывать реальные нужды потерпевших, в том числе в возмещении причиненного им вреда. Российский уголовный процесс не ориентирован на добровольное урегулирование сторонами уголовно-правового конфликта; органы, ведущие уголовный процесс, прекращают только внешнюю

конфронтацию между потерпевшим и лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, нейтрализуют, смягчают негативные последствия преступления, что свидетельствует о карательной направленности российского уголовного судопроизводства.

Библиография

- Багаутдинов, Флер Н. 2019. «Некоторые вопросы заглаживания причиненного преступлением вреда как одного из условий для назначения судебного штрафа». *Российская юстиция* 6: 33–36.
- Бойльке, Вернер, Виктор Юрков. 2009. «Примирение с потерпевшим в системе уголовной ювенальной юстиции ФРГ». *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения* 3: 123–132.
- Вдовин, Вадим А. 2018. «Прекращение уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера по уголовным делам, в которых отсутствует возможность заглаживания вреда». *Законы России: опыт, анализ, практика* 6: 90–91.
- Вессельс, Йоханнес, Вернер Бойльке. 2006. *Уголовное право ФРГ. Общая часть*. Пер. с нем. Красноярск: Ресурсный учебно-методический центр юридического образования (РУМЦ ЮО).
- Гаврилов, Евгений В., Яна М. Плошкина. 2017. «Заглаживание вреда деловой репутации юридического лица при примирении сторон в уголовном процессе». *Вестник Омского университета. Сер. Право* 4 (53): 88–93.
- Головкин, Леонид В. 2002. *Альтернативы уголовному преследованию в современном праве*. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Головкин, Леонид В. 2017. *Курс уголовного процесса*. М.: Статут.
- Головненков, Павел В. 2015. *Уголовное уложение (Уголовный кодекс) ФРГ: научно-практический комментарий и перевод текста закона*. 2-е изд. М.: Проспект.
- Есаков, Геннадий А. 2017. *Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный)*. 7-е изд. М.: Проспект.
- Карабанова, Елена Н., Константин В. Цепелев. 2016. «Стимулирование обвиняемого к возмещению причиненного преступлением вреда: проблемы и перспективы». *Российская юстиция* 5: 24–27.
- Мамичева, Светлана В. 2001. «Права жертв преступлений и злоупотреблений властью». *Журнал российского права* 7: 100–103.
- Поленина, Светлана В. 1975. «Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права». *Правоведение* 3: 71–79.
- Попаденко, Елена В. 2006. «Уголовно-правовой конфликт: понятие и способы преодоления». *Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе*. Вып. 1. Ред. Лев Л. Кругликов, 115–120. Ярославль: Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова.
- Потапенко, Евгений Г. 2013. «Комплексные образования в системе российского права». *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право* 13 (3 (1)): 357–361.
- Рачкова, Наталия С., пер. 2003. *Уголовный кодекс ФРГ*. СПб: Юридический центр Пресс.
- Рыжаков, Александр П. 2016. «Комментарий к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”». *СПС «Гарант»*. Дата обращения 7 марта, 2022. <https://base.garant.ru/57245860>.
- Рыжаков, Александр П. 2020. «Потерпевший: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 42 УПК РФ». *СПС «КонсультантПлюс»*. Дата обращения 7 марта, 2022. http://www.consultant.ru/law/podborki/prava_poterpевshego_42_upk_rf.
- Серебрянникова, Анна В., пер. 1996. *Уголовный кодекс ФРГ*. М.: Истина.
- Сырых, Владимир М. 2002. «Комплексные институты как компоненты системы российского права». *Журнал российского права* 10: 22–27.
- Танцеров, Максим В., Николай Г. Стойко. 2003. *Потерпевший и его функция в уголовном процессе Российской Федерации*. Красноярск: Красноярский государственный университет.

- Фильченко, Андрей П. 2019. «Возмещение ущерба и заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа». *Адвокатская практика* 4: 21–27.
- Юношев, Станислав В. 2014. «Отраслевая принадлежность института возмещения вреда, причиненного преступлением». *Lex Russica* 8: 920–927.
- Beulke, Werner. 2018. *Strafprozessrecht*. 14. Aufl. Heidelberg: C. F. Müller.
- Buhlmann, Sven E. 2004. *Die Berücksichtigung des Täter-Opfer-Ausgleichs als Verfahrensgrundsatz*. Passau: Peter Lang.
- Kaspar, Johannes, Eva Weiler, Gunter Schlickum. 2014. *Der Täter-Opfer-Ausgleich*. München: C. H. Beck.
- Kindhäuser, Urs, Ulfried Neumann, Hans-Ullrich Paeffgen. 2017. *NomosKommentar Strafgesetzbuch*. 3 Bd. Band 1. 5 Aufl. Baden-Baden: Nomos.
- Laufhütte, Hans W, Rissing van Saan, Kasper Tiedemann. 2019. *Leipziger Kommentar Strafgesetzbuch: StGB*. 13 Bd. Band 2. 12. Aufl. Berlin: de Gruyter.
- Roxin, Claus. 1987. *Die Wiedergutmachung im System der Strafzwecke*. München: C. H. Beck.
- Schönke, Adolf, Horst Schröder. 2019. *Strafgesetzbuch: StGB. Kommentar*. 30. Aufl. München: C. H. Beck.
- Wessels, Johannes, Werner Beulke, Helmut Satzger. 2019. *Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und ihr Aufbau*. 49. Aufl. Heidelberg: C. F. Müller.

Статья поступила в редакцию 14 ноября 2020 г.;
рекомендована к печати 15 марта 2022 г.

Контактная информация:

Плошкина Яна Михайловна — канд. юрид. наук; ploshkina_yana@mail.ru

The legal nature making amends and compensation for the damage caused by the crime under Russian and German law

Ia. M. Ploshkina

Siberian Federal University,
6, ul. Maerchaka, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation

For citation: Ploshkina, Iana M. 2022. “The legal nature making amends and compensation for the damage caused by the crime under Russian and German law”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 486–505. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.212> (In Russian)

The article examines the legal nature of complex intersectoral legal institutions for making amends and compensating for the damage caused by a crime under Russian and German law and reveals their content. The author's definition of a complex intersectoral institution is given, and an algorithm for solving in case of a conflict of legal norms of various branches of law is proposed. Making amends for the damage caused by a crime, being the broadest form of voluntary compensation for harm in Russian law, is considered in comparison with a similar German legal institution — compensation for the damage caused to the victim by a person who has committed a criminal offense, which is also a form of voluntary compensation for harm. Both institutions contribute to the voluntary resolution of a criminal-legal conflict resulting from the commission of a criminal offense, and allow taking into account the real needs of the victim. Despite the presence of common principles in Russian and German criminal processes: both belong to the Romano-Germanic (continental) legal family, are based on the principle of legality, the functioning of such institutions as amending and compensation for the damage caused by a crime testifies to different models of justice in Russian and German criminal proceedings. Legal regulation and the construction of making amends for the damage caused by a crime reflect the general punitive direction of the Russian criminal proceed-

ings. At the same time, legal regulation and the established practice of applying compensation for damage caused to the victim mean the introduction of the principle of expediency and an element of restorative justice into the German criminal process. Taking into account the German experience of compensation for the damage, proposals were made to improve the Russian institution of making amends for the damage caused by a crime.

Keywords: making amends for the damage, compensation for harm, victim, intersectoral legal institution, voluntariness of compensation for harm, restorative model of criminal justice.

References

- Bagautdinov, Fler N. 2019. "Some issues of making amends for the harm caused by a crime as one of the conditions for imposing a judicial fine". *Rossiiskaia iustitsiia* 6: 33–36. (In Russian)
- Beulke, Werner, Viktor Iurkov. 2009. "Reconciliation with the victim in the criminal juvenile justice system of Germany". *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia* 3: 123–132. (In Russian)
- Beulke, Werner. 2018. *Strafprozessrecht*. 14. Aufl. Heidelberg, C. F. Müller.
- Buhlmann, Sven E. 2004. *Die Berücksichtigung des Täter-Opfer-Ausgleichs als Verfahrensgrundsatz*. Passau, Peter Lang.
- Esakov, Gennadii A. 2017. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)*. 7th ed. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Fil'chenko, Andrei P. 2019. "Compensation for damages and making amends as conditions for exemption from criminal liability with the imposition of a judicial fine". *Advokatskaia praktika* 4: 21–27. (In Russian)
- Gavrilov, Evgenii V., Iana M. Ploshkina. 2017. "Smoothing the damage to the business reputation of a legal entity during the reconciliation of the parties in a criminal process". *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo* 4 (53): 88–93. (In Russian)
- Golovko, Leonid V. 2002. *Alternatives to criminal prosecution in modern law*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Golovko, Leonid V. 2017. *The course of the criminal process*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Golovnenkov, Pavel V. 2015. *Criminal Code of Germany: Scientific and practical commentary and translation of the text of the law*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Iunoshev, Stanislav V. 2014. "Industry affiliation of the institution of compensation for harm caused by a crime". *Lex Russica* 8: 920–927. (In Russian)
- Karabanova, Elena N., Konstantin V. Tsepelev. 2016. "Incentivizing the defendant to compensate for the harm caused by the crime: Problems and perspectives". *Rossiiskaia iustitsiia* 5: 24–27. (In Russian)
- Kaspar, Johannes, Eva Weiler, Gunter Schlickum. 2014. *Der Täter-Opfer-Ausgleich*. München, C. H. Beck.
- Kindhäuser, Urs, Ulfried Neumann, Hans-Ullrich Paeffgen. 2017. *NomosKommentar Strafgesetzbuch*. 13 Bd. Band 1. 5 Aufl. Baden-Baden: Nomos.
- Laufhütte, Hans W, Rissing van Saan, Kasper Tiedemann. 2019. *Leipziger Kommentar Strafgesetzbuch: StGB*. 3 Bd. Band 2. 12. Aufl. Berlin, de Gruyter.
- Mamicheva, Svetlana V. 2001. "Rights of victims of crime and abuse of power". *Zhurnal rossiiskogo prava* 7: 100–103. (In Russian)
- Polenina, Svetlana V. 1975. "Complex legal institutions and the formation of new branches of law". *Pravovedenie* 3: 71–79. (In Russian)
- Popadenko, Elena V. 2006. "Criminal legal conflict: The concept and methods of overcoming". *Problemy sovershenstvovaniia iuridicheskoi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti v ugovolnom prave i protsesse*. Iss. 1. Ed. by Lev L. Kruglikov, 115–120. Yaroslavl', Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet imeni P. G. Demidova Publ. (In Russian)
- Potapenko, Evgenii G. 2013. "Complex formations in the system of Russian law". *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo* 13 (3 (1)): 357–361. (In Russian)
- Rachkova, Nataliya S., transl. 2003. *German Criminal Code*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press. (In Russian)
- Roxin, Claus. 1987. *Die Wiedergutmachung im System der Strafzwecke*. München, C. H. Beck.

- Ryzhakov, Aleksandr P. 2016. "Commentary on the Federal Law of July 3, 2016 No. 323-FZ 'On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on Improving the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability'". *SPS "Garant"*. Accessed March 7, 2022. <https://base.garant.ru/57245860>. (In Russian)
- Ryzhakov, Aleksandr P. 2020. "Victim: Concept and legal status. Commentary on Article 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". *SPS Konsul'tantPlus*. Accessed March 7, 2022. http://www.consultant.ru/law/podborki/prava_potepvshego_42_upk_rf. (In Russian)
- Schönke, Adolf, Horst Schröder. 2019. *Strafgeszbuch: StGB. Kommentar*. 30. Aufl. München, C. H. Beck.
- Serebrennikova, Anna V., transl. 1996. *German Criminal Code*. Moscow, Istina Publ. (In Russian)
- Syrykh, Vladimir M. 2002. "Complex institutions as components of the Russian law system". *Zhurnal rossijskogo prava* 10: 22–27. (In Russian)
- Tantserev, Maksim V., Nikolai G. Stoiko. 2003. *The victim and his function in the criminal process of the Russian Federation*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Vdovin, Vadim A. 2018. "Termination of criminal prosecution with the appointment of a criminal law measure in criminal cases in which there is no possibility of making amends". *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* 6: 90–91. (In Russian)
- Wessels, Johannes, Werner Beulke, Helmut Satzger. 2019. *Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und ihr Aufbau*. 49. Aufl. Heidelberg, C. F. Müller Verlag.
- Wessels, Johannes, Werner Beulke. 2006. *Criminal Law of Germany. A common part*. Rus. ed. Krasnoyarsk, Resursnyi uchebno-metodicheskii tsentr iuridicheskogo obrazovaniia (RUMTs IuO) Publ. (In Russian)

Received: November 14, 2020

Accepted: March 15, 2022

Author's information:

Iana M. Ploshkina — PhD in Law; ploshkina_yana@mail.ru